

Фэнтези - Мистика - Приключения

Александр ЗИБОРОВ

Смертельное время

18+

Александр Зиборов

Смертельное время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40816833

SelfPub; 2022

Аннотация

Ужасный трагизм человеческой жизни в том, что мы все с вами смертны. И самое худшее – "внезапно смертны", как сказано в известном произведении Михаила Булгакова. А что после смерти?.. Эта истина открылась Ефиму, когда он оказался за роковой чертой...

Содержание

На смертном ложе...	4
Ушастый «экскурсовод»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Зиборов

Смертельное время

На смертном ложе...

Смерть оказалась совсем не такой, какой её представлял себе Ефим. Где-то внутри родился ужас: вначале он был маленькой сфокусированной точкой, но, быстро разрастаясь в размерах, заполнил всё тело и заставил трепетать его, как в ожидании неизбежного удара. Ефим вытянулся, ухватился руками за кровать и закрыл в страхе глаза. Голова резко дёрнулась, мысли спутались, сознание затмилось, и он полетел куда-то в умопомрачительную бездну. Хотел закричать, но не смог разомкнуть онемевшие губы. Сделал попытку встать, но тело не повиновалось ему и от того родился настоящий страх, граничащий с безумием...

И вдруг он снова увидел окружавшую его действительность, но под каким-то необычным ракурсом. И не сразу понял, что витает под потолком в своей комнате. Всё происходящее видел сверху.

Его супруга и дочь стояли у кровати, на которой лежал почти высохший, с жёлтым лицом незнакомый человек. Он словно бы спал. Ефим возмутился: с какой стати этот нахал занял мою постель, но неожиданно узнал себя и остолбенел.

Неужели это именно я? Как я изменился!..

– Умер, – горестно прошептала дочь, её глаза увлажнились, она зарыдала.

– Как – умер?! – всплеснула руками жена и растерянная, привычно добавила: – Я ему покажу!.. Боже мой, что я говорю! Отмаялся бедняга! Покинул нас! Оставил одних-одиёшеньких!

И затряслась в плаче, обхватив голову руками, то ли вдруг осознав утрату, то ли обидевшись, что муж действительно умер и она уже больше не властна над ним. Не может ни пронять, ни досадить, вообще ничего сказать и сделать ему уже невозможно, хоть ты тресни!..

Ефим посочувствовал супруге с некоторой долей злорадства, вспомнив, что они ещё не полностью выплатили деньги, взятые для покупки жене меховой шубки. Потом подумал, что об этом пусть она сама позаботится. Он в своём пальто больше десяти сезонов проходил, а у неё два пальто имелись, так ещё и шубу захотела. Ну и пусть теперь выкручивается, как сможет. С него хватит!

Только теперь Ефим осознал, что он полностью свободен – свободен впервые в жизни, а значит, может идти куда пожелает. Что он и сделал: взмыл «свечой», прошёл сквозь межэтажные перекрытия, даже не ощутив их, и помчался к нависающему сверху синему небосводу столь быстро, что в ушах свистел ветер, а в глазах мелькали звёздочки...

Ушастый «экскурсовод»

Навстречу неслась белая стена. Ефим сразу остановился, повис в воздухе, не испытав сил инерции и торможения.

Огляделся и поглядел назад туда, откуда прилетел.

Далеко вдали была видна Земля, похожая на гигантский глобус. Ярко светило солнышко. Сверху над головой нависали белоснежные облака, будто сделанные из медицинской ваты, с серо-серебристым, словно отмоченным, свинцовым низом. От этого они казались мокрыми и массивными.

Сбоку приплыли другие облака, казавшиеся плоскими. Они закрыли собой всё, что находилось под ними. С удивлением Ефим заметил, что облака покрыты низкой свежей травой, резко зелёного цвета, каковой он привык видеть ранней весной.

Заглядевшись на это необычное зрелище, Ефим не сразу заметил ограду с воротами. Слева от них на пригорке спал человек с бородой, накрывшись пожелтевшей газетой.

Притормозил около него. Постоял. Затем кашлянул. Бородач зашевелился, чуток приподнялся, газета, шурша, упала, и он отрывисто недовольно пробасил:

– Кто такой? Зачем здесь?

– Да вот летел мимо, – растерянно пролепетал Ефим. – Спросить хочу: что тут такое? Трава и ворота?!

– Из-за этого ты вздумал меня будить?! – загремел боро-

дач. – Райский сад здесь, понял? Катись отсюда, чтобы духом твоим не пахло!

Ефим застыл на месте, переминаясь с ноги на ногу, не зная, что ему делать, что сказать...

– Что за напасть, – жалобно запричитал бородач, – не могу спокойно выспаться на службе. Сменить работу, что ли? Нет, я обязательно разругаюсь с начальством: дня нет, чтобы не появилась какая-нибудь нудная душа! Пусть платят за вредность, иначе я к куму истопником пойду. Там спецодежду и премиальные дают! Грешники создания тихие и смиренные, а здесь!..

Дальнейшей тирады Ефим не слышал, ибо уже торопливо шагал к воротам Рая. Они разошлись, некоторые доски были кем-то выломаны, а петли никто давно не смазывал. Ветерок развлекался, шаловливо раскачивая створки и заставляя их сварливо скрипеть.

За ними было безлюдно и тихо. Вот кто-то вышел из-за высокого кустарника, и Ефим вскрикнул: прямо на него шагал на задних ногах осёл, опоясанный широким поясом и в шортах. При приближении на шее длинноухого стала видна цепочка с головкой прелестно-кокетливой ослицы.

– Привет, Ефим! – запросто поздоровался осёл, продемонстрировав внушительную клавиатуру крепких зубов. – Что на меня уставился? Никогда осла не видел? Перестань зубами чечётку выбивать, будь человеком. Мне уже начинает это надоедать. Я назначен твоим спутником, так ска-

зять, гидом, спутником, напарником, экскурсоводом, путеводителем – за руку водителем. Выбирай любое словцо, я не против. Моя обязанность: ознакомить тебя с райскими достопримечательностями. Клянусь своими копытами, Су-саниным не буду. Ха-ха-ха!..

– Вы, вы разговариваете? – вытаращил глаза Ефим.

– Глупо спрашивать после того, как услышал от меня целую речь. Глядя на тебя, я начинаю думать, что осёл – это ты, а не я. Только маленькие дети могут вопрошать: какого цвета синяя рубашка?

– Извините, просто я сильно удивлён. На Земле говорящих ослов я не видел.

– А вот это брось! Среди вас, людей, ослов предостаточно, только облик у них человеческий. А так ослы ослими, ничем не лучше и не хуже нас. Не следует столь легко обманываться видимостью.

– Вы...

– Брось выкать, Ефим, давай заменим официальное «вы» на дружеское «ты». Надеюсь, ты не против?

– Нет, конечно, давайте на «ты»... Прости, давай перейдём на «ты». Я согласен.

– Мы проведём в обществе друг друга немало времени и выкать ни к чему. Да, кстати, звать меня Дантес. Запомни: Дантес.

– А меня Ефим, – протянул руку Ефим. – Ефим Кузнецов.

– Эх, учить тебя и учить! – вздохнул осёл, протягивая своё

копыто. – Ладно уж, ради тебя последую ритуалу: рад нашему знакомству, дружище! А теперь в путь. Глупо торчать тут, да и незачем.

Ефим пожал плечами, но, увидев спину ушедшего вперёд по дороге «экскурсовода», подумал, что выбора у него нет, и последовал за ним. Не сразу, но приноровился к шагу своего «экскурсовода».

Примерно через час вдали показались стены большого города.

Сзади послышался топот копыт, который стремительно нарастал. Всадник мчался с рубахой нараспашку, длинные волосы его развевались на ветру. Он смеялся и неистово хлестал коня плетью.

– Берегись! – заорал осёл и скакнул в сторону, на обочину дороги.

Скакун промчался мимо и сидящий на нём человек достал Ефима плёткой, при этом едва сам не выпал из седла. Но удержался, всё же выпрямился и обернулся, дико хохоча.

Ефим скорчился от боли, ничего не понимая.

– За что? – недоумённо шептал он. – За что?

– Не знаю, – ответил Дантес, – сволочь какая-то. Как и все в этом городе. Я же предупредил тебя, мог бы отбежать.

Из-за кустов выскочила ватага сорванцов, и в путников полетел град камней. Ефим уцелел, а вот ослу досталось. Он вскрикнул и схватился за щёку. Пониже правого глаза расплылся синяк, и Дантес негодуя затопал копытами:

– Мерзавцы! Ну, я ещё доберусь до вас! Паразиты, негодяи, подлецы, отбросы человеческого стада! Ублюдки в последней степени! Дети похотливых обезьян!.. – Осёл в ярости сыпал цветистыми выражениями, выказывая при этом красноречие и немалую эрудицию. – Какой теперь вид приобрело моё лицо, разве можно в таком состоянии показываться на улице? О, подонки! Черви, живущие в клоаке! Дебилы, идиоты, дегенераты, круглые дураки, потомки дураков, полные кретины!

Они уже вошли в город, а осёл продолжал сыпать отборными выражениями. Ефим только удивлялся его обильному запасу слов. Постепенно Дантес успокоился, но ещё долго порой вдруг вспоминал обиду и начинал извергать из себя проклятья проказникам.

Неожиданно в конце улицы показалась стремглав несущаяся толпа. Тревога захлестнула сердце Ефима. Вот уже совсем рядом возбуждённые лица с перепуганными глазами. Люди мчались сплошной массой, словно поток воды или горный обвал. И если кто падал, то уже подняться не мог – остальные пробегали по нему, затаптывая насмерть.

По примеру спутника Ефим прижался к стене, чудом уцелев в бушующем людском водовороте.

Не успели они прийти в себя, как вся толпа людей дружно повернула и побежала обратно в ту сторону, откуда явилась.

Осёл был весьма заинтригован и успел выхватить из последних рядов склеротичного вида старичка, которому по

всем внешним признакам было крайне вредно заниматься спринтом.

– В чём дело?

– Пантера убежала из зоопарка, – едва отдышавшись, ответил старичок, перемежая слова длинными паузами, чтобы заглотнуть побольше воздуха.

Ефим поёжился: перспектива оказаться в лапах громадной хищной кошки ему показалась мрачной.

– А где она? – спросил он.

– Кто?

– Пантера?

– А Бог её знает! – махнул рукой старичок. – Я сам бы хотел знать: где она?

– Как же вы убегаете от опасности, не зная, где она, в какой стороне? А может, вы бежите ей навстречу!

– Я не знаю, это верно. Но люди-то знают. Вот я и бежал с ними. На миру и смерть красна! – тут старичок сделал паузу. Пожевал губами и неожиданно сменил тон: – А ты зачем пытаешься всё это у меня? Шпион какой? Что привязался? Старого и немощного обижаешь!

Старичок отскочил и стал взглядом отыскивать булыжник поувесистее или палку.

– Пойдём, – дёрнул Ефима Дантес, – я тебе сейчас всё объясню. Вряд ли кто во всей этой толпе знает, где пантера? Впрочем, я уверен, никакая пантера из зоопарка не убегала. Мог вообще никто ни убегать. Или убежал хомячок, ящерка

уползла или птичка упорхнула. И не сегодня. А день, неделю или даже месяц назад.

– Так что же они носятся, вроде полоумных?

– Кто-то выдумал или услышал что-то, недопонял, а то и могло кому-то присниться разная чепуха, он брякнул, а его не так поняли – ну, и началось! Это же город дураков. Здесь мыслят особыми категориями. И ничему тут удивляться, разве на твоей Земле не так? Всякое знание – это заблуждение, возведённое в ранг закона. Когда-то толпа не помешала осудить на сожжение Коперника, который осмелился сказать, что планета – круглая. Он был единственным, кто говорил правду, но люди верили в привычную сказку. Это крайний пример, но вспомни, сколько жизней, судеб было разбито, исковеркано из-за сплетен, слухов, домыслов, наветов, совершенно необоснованных, а то и попросту вздорных. Но люди оказались настолько глупыми, что верили всему. Правда, многие были просто подлы и хотели верить, а кто-то делал вид, что верит в расчёте на ту или иную личную выгоду. Так что подумай, прежде чем осуждать этих людей.

– Да как их не осуждать!..

– Э, послушай, Ефим, тогда ты должен оплевать и самого себя.

– Это ещё почему?

– Ты же жил в стране, население которой дурачили невероятное количество раз.

– Что за ахинею ты несёшь?!

– «Ахинею»? Да я мог бы рассказывать целую вечность подобные глупости, мифы и слухи, в которые вы верили.

– Назови хоть одно.

– Боже мой, «хоть одно»! Какой ты наивец! При твоих предках совершалась самая кровавая революция в истории человечества, рабочим говорили: «Вам нечего терять, кроме своих цепей». А ты знаешь, что в те дни средняя зарплата заводского рабочего в Российской империи была самой высокой в Европе и второй в мире. Её он потерял, как и многое другое. Тогда говорили, что Россия является «тюрьмой народов», при том, что по количеству людей, выезжающих за границу (этакий международный туризм), страна была первой в мире. Вот такая «тюрьма» – и позволялось из неё выезжать (как и возвращаться), и у людей имелись средства на это. Сравни сие с тем, что было после того, как народ «освободили» приезжие цивилизаторы, а затем повесили «железный занавес». Тогда же много кричали, что «царизм держал людей в темноте и невежестве».

– А разве не так?

– Скажу о «темноте»: электрическая лампочка была изобретена в России и впервые на планете осветили они улицы в Санкт-Петербурге – столице Российской империи. А проект плана электрификации страны начал разрабатываться ещё до революции 1917 года, он потом лёг в основу знаменитого ГОЭЛРО... Теперь очень вкратце о «невежестве»: по количеству печатаемых книги Россия перед первой мировой

войной находилась на втором месте в мире. Первой была Германия, но, в частности, по той причине, что много книг в ней печаталось для России, которая уже в то время являлась самой читающей страной. Вот так! А по числу женщин в высших учебных заведениях Россия была «впереди планеты всей»; первым городом на планете со стопроцентно грамотным населением стала Москва в конце девятнадцатого века. При Николае II был принят план ликвидации неграмотности к 1926 году. Революция «освободила» и от этого. «Товарищи» с наганами ввали, что Россия была технически отсталой.

– Но это же действительно так!

– Скажи-ка, Фома неверующий, где в начале двадцатого века были построены самые большие самолеты в мире «Святогор» и «Илья Муромец»?

– В России?

– Конечно, в стране, которую и тогда, и позже именовали «тёмной» и «отсталой». А радио, которое изобрёл Попов? А Сикорский, который стал отцом авиации развитых и передовых США? А изобретатель телевизора Зворыкин, который оказался не нужен в «освобождённой» России, как и много, очень много других таких же людей.

– Но это всё происходило давно.

– А разве всё это не повторилось уже при твоём поколении? Вспомни пресловутую «перестройку» с последующими «реформами». Вам же обещалось почти тоже самое – свобо-

да, благосостояние, братство! А получилось «как всегда» – прямо противоположное обещанному.

– Словно произошло какое-то ослепление.

– Это точно – ослепление! От неумения и нежелания самостоятельно мыслить, искать истину. А сколько было слухов о конце света – не перечесть и не пересказать! И кто-то верил, готовился к нему... А как всем парят мозги про демократию! «У вас ещё нет демократии? Мы идём к вам!..» И Америка несёт демократию во все прочие страны, силой навязывая её тем, кто не подчиняется...

– Кстати, я слышал шутку: «Порядок по-американски – бомбёжка всех стран бомбят по порядку...»

Последние слова осла были заглушены треском выстрелов, взрывом гранат, воплями, руганью...

Добежав до поворота улицы, они увидели площадь и наискосок налево солидное здание с вывеской «Банк». Оттуда и доносились эти звуки.

Прохожие на площади стремительно разбежались и прятались куда попало. Некий находчивый субъект, пользуясь случаем, затащил покрашенную девицу в подъезд и принялся лапать, не обращая внимания на суматоху. Её крики даже не были слышны в общем гаме.

Некоторые молодчики начали бить витрины и хватать выставленные на них товары.

Из дверей банка выскочили четверо рослых мужчин в масках и бросились к машине. Один из них обернулся и

швырнул назад гранату. Она ещё находилась в воздухе, когда в дверях банка показались люди с оружием. Увидев летящую в них смерть, они побледнели, выронили из рук автоматы с ружьями. Раздался взрыв: несчастные повалились, иссечённые осколками.

Бандиты тем временем на повышенной скорости покидали площадь.

Всё это совершенно спокойно фиксировал телекамерой оператор с помощниками в пуленепробиваемых костюмах. Их аппаратуру защищало особо прочное стекло.

Кончив своё дело, оператор широко зевнул, достал из сумки пару бутербродов, бутылку вина и принялся завтракать.

Когда он закончил трапезу, на площадь одна за другой стали приезжать полицейские машины, а вслед за ними «скорая помощь».

Полицейские принялись хватать и кидать в свои машины тех, кто им подвернулся под руки.

– Финита ля комедия, – брезгливо произнёс осёл. – Как говорили древние римляне: комедия окончена.

– Что здесь происходило? – спросил Ефим.

Дантес сказал:

– Обычное дело, грабили банк.

– А может, кинофильм снимали? – предположил Ефим. –

Видишь, телеаппаратура, около неё – оператор.

– Нет, просто гангстеры предусмотрительно заключили договор с телевидением о трансляции передачи. Не даром,

понятно, а за очень солидную мзду. Тут всегда так делается. Нередко гонорар за их творческий «акт» оказывается больше самой добычи. Так что выгода выходит двойная. А полиция, как обычно, проспала и арестовывает случайных прохожих. Теперь каждый из них будет осуждён, если не сумеет откупиться взяткой. Ведь здесь считают, если ты оказался рядом с местом, где совершено преступление, то не можешь быть невиновным. И если не в этом, то в чём-то ином. Впрочем, разве не точно также поступают и у вас на Земле! Может, станешь возражать? У вас же говорят – «наказания без вины не бывает».

Ефим подумал и благоразумно промолчал, но минуту спустя не удержался и в сердцах вскричал:

– Неужели в этом городе живут люди без чести, совести и сострадания?! Ведь на телевидении знали, что готовится ограбление, могут быть жертвы, и никого не предупредили?

– На сей раз ты угадал, – улыбнулся Дантес. – Это город не только дураков, но и подлецов, негодяев, убийц, насильников, мошенников и прочей накипи людского общества. Жизнь у них весёлая. Они сами отравляют её друг другу. Так сказать, по принципу самообслуживания.

По улице снова мчалась толпа. Осёл и Ефим едва успели забежать в подъезд, который оказался сквозным. По нему они прошли во внутренний двор, где увидели множество людей, которые кричали «Пожар» Пожар!», но не двигались с места. Женщина горестно причитала о любимой дочурке,

оставшейся в доме.

Поддавшись внутреннему импульсу, Ефим бросился в здание, сорвал со стенки попавшийся ему на глаза огнетушитель и ринулся на второй этаж. На одном дыхании пробежал анфиладу комнат, но нигде не обнаружил даже намёка на огонь. Только в последней квартире на подоконнике стоял полураздетый длинноусый старик с дымящейся трубкой в руке. Он дрожал всем телом, порой стуча зубами. Время от времени он вынимал трубку и слабым голосом кричал:

– Пожар! Спасите!

Вот кто паникёр, сообразил Ефим и обозлился. Стукнул головкой огнетушителя по полу и направил пенную струю на старика. Тот поперхнулся на полуслове, но трубку уберёг, выпучил глаза, кашлянул и заорал:

– Тону!

Затем согнулся, вроде перочинного ножа и свалился на пол, а его трубка при этом полетела за окно.

Стоящая внизу толпа зевак разбежалась с воплями:

– Дом валится! Спасайся, кто может!

Ефим выругался, бросил огнетушитель и спустился вниз, где его встретил с ехидной улыбкой Дантес. Осёл стоял, приклонившись к стене дома, и пилкой полировал свои копыта.

– Ну, как дела, пожарничек?

Ефим насупился. Осёл понимающе усмехнулся, полюбовался на свои конечности и сказал, что нечто вроде этого он и ожидал. Затем сделал знак продолжать путь.

Ефим шагал следом за спутником, сильно раздосадованный, что поддался чувству, позабыв о предупреждении своего спутника: всегда брать пример с него.

– Красавчики, идите ко мне, не пожалее!!

Этот окрик прервал размышления Ефима. Он поднял голову и увидел перед собой дородную женщину с остатками былой красоты.

– Три дочки у меня, – продолжила она, – выбирайте любую. Каждая из них – ягодка, вкус которой никто не знает, ибо никто не пробовал; кобылка необъезженная. Старшей всего-то пятнадцать лет. С ними вы познаете небывалое блаженство.

Ефим покосился на Дантеса: тот даже не замедлил шаг, словно ничего не слышал, и твёрдо решил ему подражать.

Обманувшись в своих намерениях, женщина принялась проклинать их, извергать страшную хулу. Над ней начали смеяться девушки, толпой преградившие дорогу путникам.

– Старая дура! – говорили они. – Чем задумала заманить красивых и умных господ. Они-то понимают истинный толк в любви и, несомненно, выберут нас. Не правда ли, милашки?

Среди кокеток были полные и худые, брюнетки и блондинки, шатенки и рыжие, молодые и не очень... Все в соблазнительных одеждах, предельно откровенно подчёркивающие их прелести. Они бросали многообещающие улыбки с привычной техникой манящих глаз.

Ефим почувствовал себя мужчиной.

Осёл же между тем невозмутимо шествовал дальше, и Ефиму пришлось следовать за ним, несмотря на сильнейшую досаду.

Едва они миновали девушек, как лица их исказились и теперь источали бессильную злобу, ненависть, а алые губки извергали самые грязные ругательства.

Ефима потрясла столь разительная перемена. По его лицу прошёл холодок и он устыдился своего недавнего влечения к красоткам.

...Вдруг из переулка появилась ещё одна девушка. Среднего роста, длинноногая, с волосами спелой пшеницы, в скромной, развевающейся на ходу одежде. Она несмело подняла бровь и стали видны огромные, цвета чистейшей бирюзы глаза. Они излучали смущение, робость и лёгкий испуг.

Он оторопел, с каждой секундой всё больше постигая её неброскую, но удивительную красоту. Это была девушка нашей мечты. Красивая, чуткая, нежная, доверчивая. Совершенство, которое мы видим в своих грёзах. Идеал, который мы надеемся встретить в своей жизни.

Помимо воли Ефим рванулся было к ней, потупившей смущённо взор и блистая румянцами на белейших щёчках, но тут громко, самым противным голосом заревел осёл, схватил его, вскинул себе на спину и помчался скачками прочь. Ефим какое-то время вырывался, но скоро они выбрались из города и он обмяк, почувствовав себя совершен-

но опустошённым. Ему всё стало безразлично. Его сердце, чувства, вся жизнь остались с той девушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.